

ЛЕНИНГРАД

№13-14

1944

СЕРГЕЙ П. С. СЕРГЕЕВ

Но не помнит в Эрмитаже прелестной серии небольших картин женевского художника Гюбера, изображающих Вольтера то на прогулке, то встающим с постели, то принимающим гостя, то буквально в туфлях и халате? Они живо воссоздают быт фернейской усадьбы, где великий вольнодумец провел последние двадцать лет своей жизни.

Но в этой серии — огромный пробел: мы не видим Вольтера таким, каким он бывал чаще всего — не в саду, за шахматами или в театральной сцене, но за книгой в своей библиотеке. А между тем Вольтер, как читатель, встает во весь рост именно в последнее десятилетие, и притом именно в Ленинграде все отчетливее вырисовывается его фигура за чтением, торопливо наводящая справки, внимательно следящая за рассуждениями автора, с пером в руке, то с горящими от восхищения глазами, то (чаще!) с ехиднейшей усмешкой и нетерпеливым протестом.

Почему же именно за последнее десятилетие и именно в Ленинграде?

В несуществующем ныне подъезде павильона, построенного Делямотом для Эрмитажа Екатерины II, в октябре 1779 года среди множества ящиков хлопотали два чужеземца, не знавшие по-русски. То были секретарь «фернейского патриарха» Жан Луи Ваньер и бывший кучер Вольтера, а в ящиках лежали книги и рукописи. Собственная библиотека писателя только что прибыла на корабле из Любека, хотя берега Женевского озера она покинула давно: едва узнав в июне 1778 г. о кончине Вольтера и о том позорном обращении (запрещение церкви хоронить его на кладбище, запрещение властей упоминать его имя), которому посмертно подвергся «величайший гений века», русская царица задумала создать ему достойный памятник. Предполагалось даже соорудить в даркосельском парке точную копию фернейского замка и поместья «с видом на Юрские горы и на Женевское озеро», собрать и издать всю переписку Екатерины с ее «учителем», как она была готова величать Вольтера. Все это осталось мечтой; но удалось приобрести замечательную статью Вольтера работы Гудона и убедить племянницу философа, мадам Дени, уступить вольтеровскую библиотеку «за 135 398 ливров, 4 су и 6 денье», не считая ценных подарков. К книгам затем присоединились и рукописи, и план Ферне, и образцы тканей, которыми были обиты стены и кресла в доме Вольтера, и макет самого этого дома. Но Ваньер, разболевшись в непривычном ему климате петербургской осени, проработал очень недолго. Дальнейшая разборка книг и рукописей оказалась надолго отложенной. Сперва испуг перед революцией 1789 года, затем правление Павла, враждебного всякой памяти о делах своей матери, наполеоновские войны, строжайшие запреты времен Николая I — и в итоге почти полное забвение богатств вольтеровской библиотеки. Несколько иностранцев-реакционеров рассеянно критикуют ее состав, знакомясь с ним через стекла запертых шкафов. Из русских на протяжении всего XIX в. мы знаем лишь о Пушкине, что ему удалось выхлопотать разрешение заниматься над материалами библиотеки столь ему дорогого автора —

Вольтер и его библиотека

(К 250-летию со дня рождения Вольтера)

Владимир ЛЮБЛИНСКИЙ

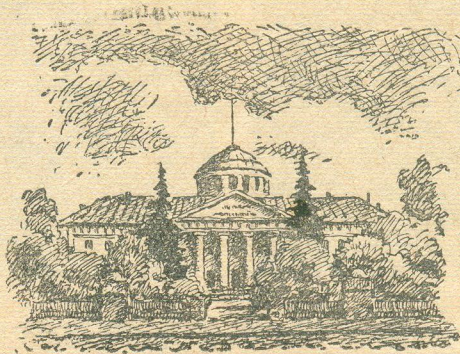
его интересовали (в процессе подготовки истории Петра I) ценнейшие научные документы, в свое время посланные из Санкт-Петербургской Академии Наук Вольтеру, когда тот писал свою «Историю Российской империи при Петре Великом».

В середине прошлого века было две сенсационных публикации петербургских вольтеровских материалов: Леузон ле

Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер
Со старинной гравюры

Дюк издал по рукописи Публичной библиотеки (подобранной П. П. Дубровским после штурма Бастилии) прелюбопытную переписку Вольтера с начальником полиции, а Эдуард Гарде опубликовал маргиналии (т. е. пометки на полях) Вольтера на экземпляре «Общественного договора» Руссо. Но этими двумя случаями и ограничивается использование русских вольтеровских материалов в XIX в. Перенос книг и рукописей Вольтера из Эрмитажа в Публичную библиотеку в 1862 г. не оживил разработки вольтеровской библиотеки. Мало достижений насчитывало вольтероведение и в XX в.

по части изучения этого фонда. Впрочем, тридцать лет тому назад Фернан Косси описал его рукописную часть, издал один том неизвестных (б. ч. черновых) вольтеровских текстов и собирался издать еще десяток томов, но помешала война 1914 г.

Поэтому с полным правом можно утверждать, что только после Октябрьской революции началась планомерная и систематическая разработка полузабытых сокровищ вольтеровской библиотеки. Немало проделано как советскими, так и иностранными исследователями для выяснения состава и происхождения отдельных частей библиотеки, для оценки научного значения отдельных находок. Рядом с неизвестными письмами и интереснейшими литературными черновиками все более выступает на первый план главная достопримечательность вольтеровской библиотеки, сулящая наиболее заманчивые перспективы при ее изучении: маргиналии и, вообще, следы чтения Вольтера. Мы словно присутствуем при процессе работы Вольтера, обнаруживаем, как он перелистывал или взрезал новое, только что ему из-под полы доставленное, запретное произведение «амстердамского» (а на самом деле, руанского или даже парижского) типографа, как радовался удачной мысли или обороту, вскипал при чтении вздора или клеветы, яростно подчеркивал поразившее его место и, не щадя автора, обрушивал на него всю силу своего сарказма. Мало того, мы узнаем не только манеру чтения, но не только форму записей на полях: нет, не боясь ни цензуры, ни нескромного взгляда, Вольтер на полях своих книг без стеснения (как бы еще не осып от непосредственного первого впечатления) небрасывает свои самые искренние реакции на идеи читаемых авторов и тем самым обнаруживает перед нами свой подлинный образ мысли, свое личное отношение. Если в письмах он любезен, а в критических выступлениях иногда вынужден соблюдать сдержанность, то тут он не скупится ни на издевку, ни на брань. «Пошел вон, ты мне надоед!» — заканчивает он ряд язвительных пометок на драме Беллуа и, видимо, отбрасывает с отвращением книгу — дальше пометок не встречается. «Нет, религия необходима, это — узда», — определяет он в другом месте свою точку зрения, о которой в науке велось столько споров.

Положительно, без использования материалов вольтеровской библиотеки, на нынешнем этапе нельзя плодотворно разрешить ни один вопрос вольтероведения. Тем большее значение приобретают работы, проведенные в Публичной библиотеке для раскрытия этого драгоценного фонда. В результате очень детального изучения подготовлен полный каталог книг, принадлежащих Вольтеру, с указанием на наличие в них его пометок. Нами написана книга о вольтеровских фондах Ленинграда, в которой впервые публикуются многие тексты, письма к Вольтеру от неизвестных прежде корреспондентов, приводятся полностью наиболее красочные маргиналии, восстанавливается история образования библиотеки и т. д. Намечается издание целого «Корпуса» вольтеровских маргиналий в виде ряда томов, посвященных таким темам, как «История», «Трагедия», «Атеизм», «Критика библии», «Географическая документация Вольтера» и т. д.